

УДК 973.091.8

*Л.Н. Попкова**

АМЕРИКАНСКИЙ ФЕМИНИЗМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ДИСКУССИИ О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ

В статье анализируются дискуссии в американском феминизме относительно идеологии и политики мультикультурализма в США 1990-х гг. Автор статьи приходит к выводу о том, что центральным тезисом феминистской критики стала проблема совместимости политики сохранения традиционных культур с ценностями либеральной демократии, личной автономии, свободы и прав женщин из иммигрантских общин.

Ключевые слова: феминизм, мультикультурализм, гендерное равенство, права женщин, правовая система США, «убийства чести», либеральная демократия.

Мультикультурализм как политика сохранения культурного разнообразия этнических и расовых групп в рамках единой нации приходит на смену ассимиляторской стратегии «плавильного котла» в США в 1970-е гг. Основываясь на убеждении о важности для индивида его культурной принадлежности, идеологи мультикультурализма настаивали на том, что государство должно идти дальше простого запрета дискриминации по этическому или расовому признаку. В последующее десятилетие новой задачей государства становится обеспечение всем этническим группам возможности для сохранения их культурной идентичности. В США первоначально эта политика касалась преимущественно афроамериканцев и «коренных американцев», как политически корректно с этого времени стали именовать негров и индейцев. Вслед за ними другие этнические общины США включались в программы государственной поддержки культурного разнообразия. Особая культурная политика дополнялась программой «позитивных действий», которая закрепляла за расовыми и этническими группами особые права на получение социальных льгот и преимуществ в получении образования и работы. Эти программы рассматривались как справедливая, но временная мера, дополнительная к политике обеспечения юридического равноправия. Культурное многообразие, в свою очередь, постепенно утверждалось в общественном сознании как тенденция на сохранение все большего числа различий и политику толерантности по отношению к ним.

В 1980-е годы претензии на защиту культурных прав разных этнических групп не вызывали значительных дебатов в американском обществе. Несмотря на требования «особого обращения», черные американцы считали себя частью американской нации, в их понимании, принцип культурного разнообразия не мог вступить в противоречие с правовой культурой и самосознанием американской нации. Ситуация начала меняться, когда политика мультикультурализма становилась все более актуальной для тех этнических общин, которые настаивали на сохранении своей культурной идентичности вне зависимости от культуры окружающего их большинства нации.

* © Попкова Л.Н., 2013

Попкова Людмила Николаевна (lnpopkova@yandex.ru), кафедра зарубежной истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Прежде исключительно теоретические дебаты между сторонниками и противниками идеологии мультикультурализма становились все более острыми и политически актуальными. Феминистское сообщество также оказалось расколотым по этой проблеме. Известный политолог Айрис Янг, выступая в защиту государственной поддержки культурных различий, настаивала на том, что «только такая поддержка приводит к трансформации властных, иерархических отношений между группами, позволяя представителям ранее исключенных групп получить доступ к принятию решений» [6, р. 96]. В такой трактовке культурное разнообразие служит магистральной цели демократизации американского общества. Другим важным аргументом сторонников мультикультурализма становился тезис о приоритете либеральных ценностей прав, свободы и самоуважения индивида. «Отсутствие признания культурной идентичности, писал другой известный философ Чарльз Тейлор, наносит вред моральному и психологическому благополучию индивида по трем очень важным аспектам – уверенности в собственных силах, самоуважении и самооценке [5, р. 25]. Автономия индивидов оказывалась привязанной к членству в культурной группе. «Только будучи включенными в некую культурную структуру, индивиды в состоянии распоряжаться своей собственной жизнью, доказывал самый авторитетный сторонник культурного многообразия, Уилл Кимлика, а поскольку культурам меньшинства грозит исчезновение, они подлежат защите политикой специальных прав» [2, р. 165].

Феминистские критики не могли согласиться с таким императивом, удивляясь тому, что их оппоненты не допускают возможности конфликта между сохранением культурных различий и демократических практик. Опасность доминирования культуры над индивидом, по их убеждению, ограничивает автономию индивида и оказывается не меньшей опасностью, чем доминирование большинства над меньшинством. Культурная принадлежность может оказаться препятствием для тех, кто стремится освободиться от связанных с этой принадлежностью традиций и норм, мешающих свободе самоопределения.

В центре развернувшихся в 1990-е годы в США общественных дебатов оказалась проблема прав женщин из иммигрантских общин. Невмешательство государства в традиционные практики сообществ, претендующих на особый правовой статус, фактически лишали женщин защиты от насилия и произвола со стороны мужчин. В условиях, когда государство и общество уже не требовали обязательной «американизации» старых и вновь прибывающих иммигрантских групп, культурно-правовые конфликты оказались в центре общественных дискуссий в США в 1990-е годы. Лозунг о сохранении культурных традиций, обычаев и образа жизни давал основание оспаривать обязательность применения к членам этих групп правовых норм американского государства.

Похищения, принудительные браки несовершеннолетних, полигамия, ограничения на владение собственностью, невозможность развода и другие. К концу десятилетия проблема стала приобретать по-настоящему драматический характер. Многочисленные оправдательные приговоры по делам убийств женщин родственниками-мужчинами на основании защиты «чести семьи, рода» как права на культурную самобытность вызвали протесты со стороны феминистского сообщества. Особую опасность для США стало представлять изменение юридической практики в связи с принадлежностью одной из сторон разбирательства к той или иной культурной традиции. Система прецедентного права приводила к тому, что мультикультуралистский подход, будучи хотя бы раз использован в юридической практике, может применяться в дальнейших судебных разбирательствах. В этом случае принадлежность к определенной культуре ставилась выше гражданства обвиняемых и потерпевших, что вело, по мнению феминистских критиков, к подрыву положений Конституции, гарантиру-

ющих равную защиту законом и отсутствие дискриминации. К середине 1990-х гг. в США уже накопилось достаточное количество судебных решений, свидетельствующих об этой опасности. В Нью-Йорке американка китайского происхождения была насмерть забита своим мужем, основанием для его оправдания и освобождения от тюрьмы стал аргумент защиты о том, что действия позашитного были продиктованы китайским обычаем наказания неверных жен. Слова подсудимого «меня заставила это сделать моя культура» фактически становились аргументом в практике уголовного права.

Либеральные суды, стремясь быть справедливыми с точки зрения учета культурного опыта иммигрантов, загнали себя в ловушку, отказывая в защите своим гражданам их индивидуальных прав, в том числе даже права на жизнь. Феминистский политолог Айлет Шачар назвала подобную ситуацию «парадоксом мультикультурной уязвимости». «Политика, нацеленная на обеспечение равенства и выравнивание правил игры для сообществ меньшинств и большинства нации, приводит к тому, что гражданские права индивидов, относящихся к этим меньшинствам, систематически нарушаются» [4, р. 3]. Развивая этот тезис, известный теоретик феминизма Сьюзан Оукин поставила прямой вопрос, соответствует ли американская политика мультикультурализма интересам женщин. Свой отрицательный ответ на этот вопрос она аргументирует сравнительным анализом гендерных режимов разных культур. «Поскольку большинство культур патриархально, пишет она, а многие (хотя и не все) из культурных меньшинств, требующих групповых прав, еще более патриархальны, чем культуры, которые их окружают, то следует ожидать, что соблюдение особых групповых прав будет использовано для сохранения неравноправных гендерных структур» [3, р. 17]. Эта позиция вызвала отрицательную реакцию левых интеллектуалов, главным обвинением которых был традиционный для эпохи глобализации тезис о культурном империализме и западном шовинизме. По мнению критиков, белые феминистки США всегда склонны рассматривать другие культуры как отсталые, не оставляя оснований женщинам из этих культур самостоятельно определять критерии и практики эмансипации.

Разделяя пафос критики Оукин, политолог Шейла Бенхабиб предлагает концепцию разрешения конфликта между идеологией мультикультурализма и феминистским проектом гендерного равенства, соглашаясь с тем, что сохранение культуры как деятельности, позволяющей человеку определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной социальной общностью, является чрезвычайно важной задачей политики в глобальную эпоху. Но излишне поспешное признание культурных групп субъектами политического процесса является опасным. «В политическом смысле право на культурное самовыражение должно быть основано только на всеобщем признании гражданских прав, и его не следует рассматривать как альтернативу им» [1, с. 87].

Модель «совещательной демократии», предложенная ею для решения конфликта, предполагает соблюдение трех принципов политики, призванной создать механизмы одновременного обеспечения этнического разнообразия и равноправия. Первый принцип в ее концепции обозначен как «эгалитарная взаимность». Суть его в том, что представители культурных, этнических, религиозных, языковых и иных меньшинств не должны по причине своей принадлежности к этим меньшинствам ущемляться в гражданских, политических, экономических и культурных правах по сравнению с представителями большинства. Второй принцип «добровольного самопричисления» означает, что человек не должен автоматически причисляться к какой-то культурной, религиозной, языковой группе лишь по факту своего рождения. Членство человека в группе должно обеспечивать более широкие формы самоидентификации и самопри-

числения. Самоидентификация может подвергаться оспариванию, тем не менее государство не должно просто передавать право определять и контролировать членство самим группам в ущерб отдельному человеку. Наконец, третий принцип требует обеспечения свободы выхода человека из группы, к которой он приписан, даже если это сопряжено с потерей некоторых формальных прав и привилегий [1, с. 157–158]. Большинство феминистских критиков оказалось солидарно с тем, что приверженность принципам демократической включенности требует взаимного приспособления культур в рамках либеральных политико-правовых институтов и практик.

Библиографический список

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М.: Логос, 2003.
2. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995.
3. Okin S. Is Multiculturalism Bad for Women? // Boston Review, 1997, October/November. URL: <http://www.bostonreview.net/BR22.5/okin.html> (дата обращения: 12.04.2005).
4. Shachar A. Multicultural Jurisdictions: Cultural Differences and Women's Rights. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
5. Taylor Ch. Multiculturalism and Politics of Recognition. Princeton: Princeton Press, 1992.
6. Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990.

*L.N. Popkova**

AMERICAN FEMINISM AND MULTICULTURALISM: DEBATES ON GENDER EQUALITY

The article is devoted to the debates in American feminism on the problem of the policy of multiculturalism in the USA in 1990-ies. The author concludes that the main reason for feminist critique was the problem of compatibility of the policy of preserving traditional cultures with values of liberal democracy, personal autonomy, freedom and immigrant women's rights.

Key words: feminism, multiculturalism, gender equality, women's rights, law system of the USA, «honour killing», liberal democracy.

* *Popkova Lyudmila Nikolaevna* (lnpopkova@yandex.ru), the Dept. of Foreign History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.